

120 смертельных заходов на реактор

Полковник Василий Водолажский сделал все, чтобы Чернобыль больше не повторился никогда.

МИР давно воспринимает Чернобыль как крупнейшую техногенную катастрофу XX века, которая даже предопределила развал СССР. Для меня, как и для многих белорусов, украинцев и россиян, все, что связано с апрелем 1986-го, носит очень личный характер. О взрыве на атомной станции я узнал вечером 26 апреля, за тысячи километров от родных мест — в Афганистане. Оказывается, рвануло всего в ста километрах от родительского дома! Три месяца спустя, завершив службу в ДРА, поехал к себе на родину. Меня поразили мокрые безлюдные улицы и полное отсутствие в городе женщин и детей... Так в нашу жизнь навсегда вошел чернобыльский взрыв, а радиационные дождь и ветер, зараженные земли и воздух стали черной болью для сотен тысяч людей. Последствия катастрофы на ЧАЭС могли бы быть неизмеримо большими, если бы не жертвенность ликвидаторов — военнослужащих и сугубо гражданских. Некоторые из них ценой собственной жизни защитили страну от вырвавшегося из раскаленного ядерного реактора Чернобыльской АЭС невидимки-убийцы. Сегодня хочу еще раз рассказать о подвиге полковника Василия ВОДОЛАЖСКОГО. Украинец, он почти 30 лет прослужил на земле Беларуси. И когда случилась беда, летчик отправился на передовую. Он совершил на вертолете Ми-6 более 120 вылетов к атомному реактору, сбросил в его огнедышащее жерло 300 тонн специальных смесей. Кроме всего прочего — передал накопленный опыт 33 экипажам...

Я встретился с этим мужественным офицером летом 1990 года, когда он был уже тяжело болен. Сотни людей участвовали в его спасении, но все тщетно — 18 июня 1992 года Василия Александровича не стало...

И вот 20 лет спустя снова возвращаюсь к тем скорбным и трагическим событиям, обобщая для читателей «БН» свои репортажи, опубликованные в разное время и в разных газетах, но посвященные

одному человеку — Василию Александровичу Водолажскому.

* * *

На 1 августа 1986 года был назначен первый облет Чернобыля. Полковник Василий Александрович Водолажский, только что принявший командование сводной оперативной группой, приказал срочно готовить вертолеты к работе.

Город с высоты птичьего полета казался мирным и уютным. Строгие квадраты микрорайонов в ажурной зеленой оторочке, прямые, как стрела, магистрали, площади, парки, стадионы. И никого — ни машин, ни людей. Чем ближе к атомной станции, тем тревожнее на душе. Увиденное превзошло все ожидания. Исковерканный четвертый блок, словно тяжелораненый солдат, зиял огромной рваной раной. Водолажский сделал круг над реактором. Посмотрел вниз и отвел глаза. О, ужас: реактор, это умирающее чудовище, все еще жил, дышал! Казалось, только тронь, и через мгновение из его пасти снова вырвется испепеляющий огонь.

Водолажский сразу понял — оттуда исходит главная угроза человеку. Обходить бы ее десятой дорогой. Но только не летчикам. Им приказано ослабить смертоносное «дыхание» реактора любой ценой. Именно — любой ценой. Для этого и были предназначены грузоподъемные Ми-26, заправленные «адскими» смесями срочного приготовления по рецептам НИИ, засекреченными и не очень. Да и летчики — один лучше другого.

Правда, большинству пилотов, в том числе и прошедшим Афганистан, подобная работа была в новинку. Им и десант высаживать, и бомбить, и еще много чего такого делать приходилось, а вот заливать реактор... клеем ПВА — никогда. На подмогу оперативному отряду прислали несколько виртуозов из лётно-исследовательского института. Среди них особенно выделялся заслуженный летчик-испытатель СССР Анатолий Демьянович Грищенко. Высокого роста, плотно сложенный, балагур и весельчак, он вызывал у всех восхищение. А как Грищенко работал! То, что большинство

осваивало со второго и третьего захода, для него, летчика от Бога, было привычно и любо.

Летали в Чернобыль днем и ночью. Десятки километров до железнодорожной станции, где вертолеты быстро заправляли, и обратно к реактору. Полковник Водолажский, как всегда, самую ответственную работу брал на себя. Чего только стоила, например, операция по очистке крыши машинного зала от обломков радиоактивного графита. Сперва их облили клеящим раствором, потом накинули сверху сеть. Чтобы снять смертоносный «улов», вертолет Водолажского снизился до ста тридцати метров — почти в три раза ниже отметки, оговоренной приказом. Это был тот самый случай, когда за его нарушение не наказывали — поощряли.

Летчики, «отпахав» положенное, заменялись и уезжали. Водолажский встречал подчиненных, учил их уму-разуму, особенно перед первыми вылетами в зону, когда поспевало время — провожал. Вот и Грищенко уехал. Сам же Водолажский — ни с места. Командир! Только два месяца спустя прибыл сменщик — полковник Захаров. На дворе была уже осень. Холодная, с затяжными дождями. И кашель ей под стать, да еще появилось какое-то странное недомогание...

Первого октября Водолажский еще сдавал дела, а уже второго был дома. И сразу же в штаб части — за отпускными. Вернулся быстро, но жену сильно не обрадовал. «Собирай, мать, портфель — завтра учение», — только она и услышала.

А отпуск? Он все-таки состоялся. Но радости семье не принес. Здоровье Водолажского стало вдруг резко ухудшаться.

Новый 1987 год Василий Александрович встретил на госпитальной койке. Высокую температуру и боли в суставах врачи списали на простуду. Но когда Водолажский стал таять, словно горящая свеча, потеряв в весе более двадцати килограммов, назначили новое лечение. Ссылки на Чернобыль во внимание не принимались. И официальная справка с суммарной дозой облучения 24,8 рентгена этого не подтверждала. Ведь кто знал, что «липовую» запись сфабриковали с единственной целью — не допустить утечки секретной информации. В Главном военном

клиническом госпитале имени академика Н. Н. Бурденко об этом хорошо были осведомлены. Знали и молчали.

Водолажскому становилось все хуже. Боль в суставах усиливалась. Отказывался подчиняться травмированный позвоночник. Лечение желаемого результата не приносило. Да и как могли военные медики поставить его на ноги, если «традиционная» методика предусматривала лечение... облучением. Другой в госпитале пока не было, и пораженных радиацией продолжали «спасать».

Все это время рядом с мужем находилась Лариса Васильевна Водолажская. Когда ехала в Москву, думала на неделю — оказалось на полгода. А жить в столице негде. Приютила, смилостивившись, богомольная старушка из госпитального персонала. Мир не без добрых людей!

Так минул 1987 год, а затем и 1988-й. Василий Александрович потихоньку притерпелся ко всему, махнул рукой на свой недуг. Вся его жизнь осталась там, за больничным порогом. Вот только письма сослуживцев порой напоминали ему о прошлом — прожитом и пережитом. Первым откликнулся чернобыльский начштаба майор Адам Макеевич Свинчук. Подал весточку о себе и замполит оперативной группы майор Иван Васильевич Проценко. Они сообщили, где служат бывшие подчиненные Водолажского, у кого какие проблемы. Оказалось, большинство летчиков, прошедших Чернобыль, часто болеют. Таких уже более ста тридцати. И никто им не может помочь.

Почему? Дело в том, что еще в июле 1986 года Минздрав СССР издал «хитрое» распоряжение, которым засекретил все данные на участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС. Связывать любые их болезни с пребыванием в тридцатикилометровой зоне было категорически запрещено. В августе 1989 года под давлением общественности преступное распоряжение наконец-то отменили. Но... оно продолжало действовать.

Признав Василия Александровича Водолажского инвалидом первой группы, его уволили из Вооруженных Сил по состоянию здоровья. Однако Центральная военно-врачебная комиссия Министерства

обороны СССР увязать это с пребыванием в Чернобыле отказалась наотрез.

Не успел Водолажский как следует уладить свои пенсионные дела, как болезнь снова обострилась. Обратился в окружной госпиталь. Там только руками развели: извини, мил человек, не по нашей это части... Москва отставника-инвалида тоже не приняла, сославшись на острую нехватку мест. И госпиталем стала его собственная квартира...

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА ВОДОЛАЖСКИЙ

Василий Александрович — командир вертолета, полковник; один из первых участников ликвидации катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции.

Родился 9 февраля 1937 года в селе Хотомля Старо-Салтовского района Харьковской области в семье рабочего. Украинец. В 1954 году окончил десять классов средней школы № 13 Харькова. В 1959-м — 160-е военное авиационное училище в Пугачеве Саратовской области. В 1960—1988 годах проходил службу в частях Белорусского военного округа.

В 1986 году в составе сводной оперативной группы В. А. Водолажский принимал участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

19 октября 1988 года уволен из Вооруженных Сил СССР по состоянию здоровья. Жил в Минске, где и скончался 18 июня 1992 года.

Указом Президента Российской Федерации от 17 февраля 1995 года № 149 полковнику Водолажскому Василию Александровичу за мужество и героизм, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, «Знак Почета», медалями.

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 февраля 1997 года № 102 на доме № 2 по улице Садовой в Минске, где жил Герой России Василий Александрович Водолажский, установлена мемориальная доска. Его именем названа одна из улиц столицы.

12 августа 1999 года приказом министра обороны Республики Беларусь полковник Водолажский навечно зачислен в списки личного состава 65-й транспортно-боевой вертолетной базы. В связи с реформированием этой части принято решение о зачислении Водолажского в списки 181-й боевой вертолетной базы.

Ангел-хранитель Водолажского — его жена Лариса Васильевна — во имя родного человека без раздумий бросилась на штурм различных инстанций. И добилась-таки помещения мужа в Главный военный клинический госпиталь имени Бурденко. Правда, толку от этого мало — лимфагранулематоз здесь практически не лечили. Только за границей. А точнее — в ФРГ или во Франции.

Чтобы спасти Водолажского, нужна была инвалюта (примерно 150 тысяч западногерманских марок). Министерство обороны СССР вместо денег прислало официальное письмо-отказ. Вот его короткое содержание: «По данным ведущих специалистов страны, зарубежная медицина, в том числе в ФРГ, какими-либо новыми, более эффективными методами лечения заболевания, которым страдает полковник в отставке Водолажский В. А., не располагает. По их мнению, направлять его на лечение в ФРГ нецелесообразно».

Ничего не дали и обращения в центральный комитет Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и БССР, различные структуры Союза «Чернобыль». Вместо решения вопроса всюду требовали справки, справки, справки.

Только один человек хоть как-то помог Водолажскому. Это народный депутат Минского горсовета подполковник Владимир Васильевич Семенов. Его запросы рассматривали Верховный Совет и Совмин БССР, ассоциация промышленников Белоруссии. Об итогах говорить рано, но, кажется, дело сдвинулось с мертвой точки. Наконец-то республиканский межведомственный экспериментальный совет по установлению причинной связи заболеваний и инвалидности с работами по ликвидации аварии на ЧАЭС признал Водолажского «своим» и подтвердил его права на соответствующие льготы. Правда, с выводами совета пока упорно не

соглашалась военная медицина. А ведь за ней, если касаться судьбы Водолажского, главное слово.

Летчик-испытатель Анатолий Грищенко перед отъездом на лечение в Америку, выступая в программе «Время», обратился ко всем добрым людям с просьбой помочь сослуживцу. Недавно Грищенко умер в Сиэтле...

Приложение к газете «Красная звезда» еженедельник «Сын Отечества», 1990 год

* * *

Советский летчик-испытатель Анатолий Грищенко в 1990 году был посмертно удостоен награды Международного фонда безопасности полетов, расположенного в американском городе Армингтоне (штат Вирджиния).

В наградном листе отмечается, что советский пилот «отдал свою жизнь ради спасения жизней и охраны здоровья других людей после катастрофической аварии на атомном реакторе в Чернобыле». «Для сдерживания выбросов радиации и контроля над ними необходимы были безотлагательные действия, — подчеркивается в документе. — Летчик-испытатель Грищенко, осознавая экстремальность ситуации и полностью отдавая себе отчет в большой опасности для него самого и его экипажа от сильной радиоактивности, добровольно вызвался совершать облеты поврежденного реактора на вертолете».

Таких добровольцев, как Грищенко, в подчинении Василия Александровича Водолажского, командира сводной оперативной группы, тогда, в августе 86-го, было свыше шестидесяти. Летчики не щадили себя, работая на износ. И радиация никого не щадила. Умер Грищенко. Тяжело заболел Водолажский.

Но официальная медицина делала вид, что ничего серьезного не случилось. Был такой приказ. Его отменили, когда жизнь Василия Александровича подошла к критической отметке. Даже это никого не убедило. Ведь он теперь — пенсионер, инвалид. И значит, никому не нужен?

Выступление военной газеты, депутатские запросы подполковника Владимира Семенова все-таки возымели свое действие. Бюрократическое колесо медленно, со скрипом, но закрутилось. Больному вновь предложили место в

Главном военном клиническом госпитале имени академика Н. Н. Бурденко. Обещали хорошо лечить. Правда, там не преминули бросить жене Водолажского, Ларисе Васильевне, циничное: «Это ему уже не поможет...»

Она и сама прекрасно понимала, что наша медицина на большее не способна. Пришлось обращаться за помощью в клиники Западной Германии. Вскоре одна из них откликнулась с утвердительным ответом, буднично напомнив в конце о перечислении валюты на счет клиники. За лечение полагалось заплатить около ста пятидесяти тысяч западногерманских марок.

Сумма солидная. Но она вполне по карману, к примеру, американскому полковнику. А советскому, который по денежному содержанию не мог тягаться даже с первогодком джи-ай? У нашего служивого одна надежда на родное Отечество. Это ему Водолажский служил верой и правдой тридцать с лишним лет, ради него рисковал жизнью в Чернобыле. И ни о чем никого не просил. Не жаловался, не требовал.

Министерство обороны помочь валютой отказалось. У Ларисы Васильевны опустились руки. У Василия Александровича снова обострилась болезнь. Его трясло, словно в лихорадке, отнимались ноги, жгло суставы адским огнем. Каждое утро он пытался встать на ноги и, не сделав ни шага, снова валился в опостылевшую кровать.

И вдруг в сером густом тумане безысходности сверкнул тоненький лучик надежды. Это случилось после того, как газета Западной группы войск «Советская Армия», рассказав читателям о судьбе заложника Чернобыля, обратилась к ним за помощью. И люди откликнулись. Вот выдержка из письма, пришедшего в редакцию.

«Прочитал статью в газете о полковнике Водолажском и очень вам благодарен за нее. Я ведь приехал сюда из Белоруссии и года 4 назад служил вместе с ним. Хорошо знаком и с его семьей, т. к. жили мы в одном подъезде, пока я не перевелся на новое место службы.

Василий Александрович — прекрасной души человек, умный, внимательный, отзывчивый товарищ, отличный специалист

своего дела. Можно много хорошего рассказать о нем, но сейчас главное в другом: надо ему помочь.

Я понимаю, что у одного человека никаких сил не хватит, чтобы обогреть, приютить, одарить состраданием и помощью всех страждущих. Но ведь нас миллионы, и вместе мы такая сила, что справимся с любой бедой. Надо только слышать друг друга, видеть и понимать людскую боль.

Перед нами — человеческая трагедия. Я был сам в то время, в 1986 году, в Белоруссии, и знаю, что такие люди, как полковник Водолажский, своим здоровьем, своими жизнями спасли десятки тысяч жизней других.

Мы не можем, не имеем права оставить его в беде!

В газете указана сумма, необходимая для лечения, — 150000 марок. Я предлагаю и прошу весь личный состав ЗГВ поддержать нас и собрать деньги на лечение полковника Водолажского. Весь наш гарнизон уже включился в эту работу. Ведется сбор средств. И надо спешить!

Мы очень надеемся на поддержку газеты и политуправления. Кроме того, офицеры интересуются механизмом передачи денег по назначению. Есть и предложения — пересылать собранные деньги прямо на домашний адрес Водолажского или в какой-то банк на его имя. Наверное, стоит дать информацию об этом в газете и указать номер счета. Кроме вас, никто этого организовать не сможет.

Жду сообщений. Извините за сумбурность письма.

С уважением и надеждой на поддержку, полковник И. ДЬЯКОВ».

Мнение читателей было однозначным — нужен валютный счет. Но как же его открыть на имя отставного инвалида-полковника, обладающего только небольшой суммой денег, да и то только в советских рублях? В нашей стране это, увы, пока невозможно. И если бы не вмешательство начальника штаба БВО генерал-лейтенанта Александра Петровича Чумакова, бывшего сослуживца Водолажского, других должностных лиц, бюрократические препоны вряд ли были бы преодолены. Но это все-таки случилось.

Уже собрана валюта в Германии. Обещают помочь в МГПО «Большевик»,

других предприятиях. Но этого пока недостаточно. Василию Александровичу становится все хуже и хуже — нужно спешить. Я верю — мы успеем. Надежда умирает последней.

«Во славу Родины», 1992 год

* * *

Увы, собранных денег было явно недостаточно. Ничего не дали обращения в государственные и общественные структуры. Не откликнулся больше и первый Президент СССР Михаил Горбачев. Вместо решения вопроса всюду требовали какие-то справки, что-то уточняли и обещали, обещали...

В июне 1992 года Василия Александровича Водолажского не стало.

Не знаю, как для кого, но для меня тот день, когда я увидел газету с некрологом, стал поистине черным. И не только потому, что ушел из жизни настоящий человек. Вдруг в одночасье рухнули все мои надежды на грядущие перемены к лучшему, моя уверенность в завтрашнем дне, мои расчеты на то, что все перемелется и образуется. Увы, так оно и случилось. Этот год не только для меня, но и для очень многих людей стал своего рода последним. И в смысле отдыха в Крыму, и в отношении поездок «просто так» в Россию и Украину. И даже касательно солидных покупок вроде трехстворчатого шкафа или банального пальто...

Это правда, наша жизнь затрещала по швам. Но белорусы, уверен, все выдержали, если бы... Для нашей независимой державы 92-й год, по-моему, стал последним и в надежде когда-нибудь победить чернобыльскую беду. Союзная программа по обузданию катастрофы (300 Хиросим по долгоживущему цезию-137 вырвалось из разрушенного реактора) вместе с СССР канула в Лету, разлетелись, распилились на иные нужды и деньги, отпущенные на реализацию этой программы. Все многочисленные призывы Беларуси объединить усилия не нашли отклика ни в России, ни в Украине. В итоге, как заявил наш Президент: «20 процентов бюджета Беларуси ежегодно расходуется на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС. И, к сожалению, реальных перспектив сокращения этих расходов нет. А это неизбежно негативно сказывается на

социальной сфере, ведь средств на все не хватает».

На днях в российских «Вестях» прозвучало такое, что заставило схватиться за сердце. «Вторая катастрофа на Чернобыльской АЭС может случиться в любой момент», — объявили западные эксперты, исследовав состояние саркофага. Нужны немедленные, чрезвычайные меры по остановке и консервированию атомной станции. Украина в ответ заявила, что на это у нее просто-напросто нет денег...

Никто не знает настоящей цены Чернобылю. Говорят, только через 40 поколений, через восемь веков наши гены «придут в себя» после чернобыльского потрясения. Уверен, что эта цена могла быть гораздо большей, если бы не самоотверженность наших людей, вступивших в смертельную схватку со стихией. Таких, как пожарный майор Телятников и летчик полковник Водолажский, Герой Советского Союза и Герой Российской Федерации.

Дом, в котором до последнего дня жил Василий Александрович, находится в двух шагах от военного городка. Того самого, где прошла его служба, того самого, откуда он отправился в Чернобыль. Прошло много лет с той поры. Очень многое изменилось. Но остались его улица — Садовая, которая, уверен, должна носить имя Героя полковника Водолажского, и его дом номер два, который рано или поздно увенчает памятная доска, посвященная подвигу летчика-чернобыльца.

Не это ли станет нашим лучшим вкладом в дело воспитания молодежи на примерах настоящих героев?

«Во славу Родины», 1995 год

ТАК УСТРОЕН человек — он быстро забывает все плохое и не любит вспоминать свои неудачи и поражения. А тем более рыться в старых бумагах и фотографиях, спрятанных на антресолях. Но прошлое иногда возвращается — в виде старого письма или открытки, телефонного звонка или пожелтевшей газетной полосы. И тогда уже трудно справиться с нахлынувшими воспоминаниями. Нечто подобное испытал и я, когда, перебирая архив, наткнулся на свои рукописи, касающиеся Василия Водолажского, а потом, переборов робость, двадцать лет спустя снова набрал давно забытый

телефонный номер в полном неведении, кто же ответит мне на другом конце провода. — Я вас слушаю, — ответила уставшим голосом женщина. И добавила: — Да, это я — Лариса Васильевна ВОДОЛАЖСКАЯ...

На мою просьбу о встрече она отреагировала довольно сдержанно, сославшись на плохое самочувствие. Но потом все-таки согласилась и, прощаясь, напомнила свой адрес: Садовая, 2—69.

И вот я снова в бывшем военном городке столичного микрорайона Уручье. Где-то здесь в обычной «панельке» с 1982-го по 1992 год жил летчик 1-го класса, один из первых ликвидаторов катастрофы на ЧАЭС, Герой Российской Федерации (посмертно), полковник Василий Александрович Водолажский.

В поисках Садовой я немного отклонился от маршрута и стал оглядываться по сторонам. Присмотрелся к табличке на фасаде ближайшего дома и прочитал: «В. А. Водолажский». Значит, появилась все-таки в Минске улица имени Героя! (Как потом выяснилось, это геройское имя обрела бывшая улица Полевая в конце 90-х годов прошлого века.)

Без труда узнал статную рано поседевшую женщину, вдову легендарного вертолетчика, которую он так нежно любил. В квартире Героя все очень просто и скромно.

— Отсюда мы его и проводили в последний путь, — с грустью сообщила Лариса Васильевна и, окунувшись в мир воспоминаний, поведала о своей прошлой жизни, красивой и большой любви.

...Познакомилась она с будущим мужем в спортзале города Александрия Кировоградской области. Сюда увлекающуюся спортом девушку, выпускницу Львовского учетно-финансового техникума, направили на работу по распределению.

— Трудилась я бухгалтером в банке, — рассказала Лариса Васильевна. — В свободное время занималась волейболом. Спорт и скрепил наш семейный союз.

Потом случился Чернобыль, который поделил судьбу Водолажских на жизнь до и после атомного взрыва. В тот роковой день Василий Александрович, вернувшись с учений, сказал жене: «Схожу в штаб, подпишу документы — и завтра отправимся в отпуск».

— Обычно мы всей семьей садились в машину и ехали в Украину, — пояснила Лариса Васильевна. — Я стала собирать вещи, вдруг телефонный звонок. «Через пятнадцать минут уезжаю, приготовь «тревожный чемоданчик», — без объяснений попросил муж.

Лариса Васильевна уточнила, что на тот момент Водолажский был заместителем командира 65-го отдельного вертолетного полка. В июле 1986-го его назначили руководителем сводной оперативной группы вертолетчиков, которая направилась в Чернобыль. Считалось, что предельно допустимую дозу летчики получают уже через 15 дней. Водолажский находился в Чернобыле больше двух месяцев. На вертолете Ми-26 совершил 120 вылетов, сбросил на реактор около 300 тонн специальных смесей, обучил десятки экипажей маневрам с длинными подвесками, снайперскому сбросу блокирующих материалов в жерло реактора. Он, как командир, мог не подвергать себя излишнему риску, но вместо этого лично участвовал в уникальной и опасной операции по очистке крыши машинного зала от обломков сверхрадиоактивного графита, устанавливал фильтры для подачи очищенного воздуха в работающие залы АЭС...

Улетал из Минска в Чернобыль мастер спорта Василий Водолажский здоровым, а вернулся смертельно больным...

Мы много говорили о сегодняшнем дне, о том, что в парке Дружбы народов, возле часовни-памятника в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших», будет создана мемориальная парковая зона, включающая памятный знак «Жертвам чернобыльской катастрофы» и бюсты героев, отличившихся на ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС. Лариса Васильевна, ровесница своего мужа, которому 9 февраля исполнилось бы 75 лет, очень надеется дожить до этого момента. Несмотря на болезни и постоянные недомогания.

Вдова Водолажского долгие годы активно занималась общественной работой, связанной с увековечиванием памяти ликвидаторов, по возможности поддерживала связь с оставшимися в живых сослуживцами и друзьями мужа,

которых военная судьба разбросала по белу свету. Теперь это все в прошлом — перенесенные операция и инфаркт сделали Ларису Васильевну заложником дорогих лекарств и пленницей собственной квартиры. Правда, она не сдается, но в то же время уже не рассчитывает выбраться в родные места — на Кировоградчину. А ведь там, под Александрией, в родительском доме ее давно ждут в гости...

Прощаясь, Лариса Васильевна спросила меня: «А вы откуда родом?» Узнав, что я из Овруча, она обрадовалась — оказывается, сводная оперативная группа вертолетчиков, которой командовал полковник Водолажский, летом 1986-го базировалась в моем родном городе. Именно отсюда тяжелые Ми-26 денно и ночью летали к Чернобылю. Через это горнило прошли абсолютно все экипажи вертолетов, с риском для жизни выполняя поставленную задачу.

Незадолго до смерти мужественный летчик полковник Водолажский сказал: «Мне ничего не надо, я хочу быть уверен только в одном: еще один такой Чернобыль не повторится больше никогда».

Валерий ПИНЧУК, «БН»

Источник: Белорусская нива.-2012.- № 68 (13 апр.).-С.7.